

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ВЕЛИЧИНУ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ БЮДЖЕТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ***Олег Анатольевич ЦЕПЕЛЕВ^a, Ольга Сергеевна КОЛЕСНИКОВА^{b,*}**

^a кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов,
Амурский государственный университет (АмГУ), Благовещенск, Российская Федерация
tsepelev_o@mail.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 1944-3808

^b аспирантка кафедры финансов,
Амурский государственный университет (АмГУ), Благовещенск, Российская Федерация
kolesnikova.o.s@yandex.ru
ORCID: отсутствует
SPIN-код: 7868-4851

* Ответственный автор

История статьи:

Per. № 1020/2016
Получена 15.08.2016
Получена в доработанном виде 26.08.2016
Одобрена 05.09.2016
Доступна онлайн
15.11.2019

УДК 336.221.262

JEL: H21, H26, H61, H62,
H71**Аннотация**

Предмет. Налоговые поступления являются основным источником пополнения доходной части бюджета. Однако на их величину влияет достаточно большое количество факторов, что создает трудности в прогнозировании уровня налоговых доходов и обеспечении стабильности бюджета. В качестве одного из таких факторов выступает теневая экономика, основное последствие которой заключается в возникновении налоговых потерь бюджета. Количественной оценке величины недополученных налоговых платежей и посвящено данное исследование.

Цели. Количественная оценка влияния теневой экономики на величину налоговых доходов регионального бюджета, обоснование необходимости систематического определения налоговых потерь от теневой экономики для проведения эффективной бюджетно-налоговой политики.

Методология. Для оценки влияния теневой экономики на величину налоговых доходов регионального бюджета использовался метод расхождений, основанный на сопоставлении данных, полученных из различных источников.

Результаты. В Амурской области уровень теневой экономики достаточно высок в силу существования большого количества факторов возникновения и распространения данного явления. При этом определено, что наибольшая доля теневого сектора приходится на сферу торговли, сельского хозяйства, транспорта и связи. Выявлено, что региональный бюджет ежегодно недополучает значительную часть налоговых доходов, что снижает его самостоятельность, увеличивает зависимость от федеральных трансфертов и способствует росту государственного долга субъекта.

Ключевые слова: теневая экономика, региональный бюджет, налоговые потери бюджета, налог на доходы физических лиц, уровень собираемости налогов

Выводы. Проведенная в ходе исследования оценка налоговых потерь регионального бюджета позволяет констатировать, что теневая экономика оказывает значительное влияние на величину налоговых доходов и снижает возможности реализации социально-экономической политики субъекта. Таким образом, сокращение налоговых потерь бюджета от теневой экономики является одним из важнейших условий устойчивого развития региона.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Для цитирования: Цепелев О.А., Колесникова О.С. Оценка влияния теневой экономики на величину налоговых доходов бюджета: региональный аспект // *Международный бухгалтерский учет*. – 2019. – Т. 22, № 11. – С. 1309 – 1324.

<https://doi.org/10.24891/ia.22.11.1309>

Стабильность налоговой системы и бюджетная сбалансированность являются важнейшими условиями экономического роста страны. Однако современное состояние бюджетно-налоговой системы Российской Федерации сложно назвать стабильным.

По данным Министерства финансов Российской Федерации, из 85 субъектов страны лишь 14 не получают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Это свидетельствует о том, что регионы испытывают острую нехватку собственных доходов, предназначенных для реализации обязательств, возложенных на них существующим законодательством.

Ситуация усугубляется и тем, что базовые параметры, заложенные в основу федерального бюджета на 2016 г., в настоящее время не соответствуют реальности.

Так, средняя цена на нефть марки Urals по итогам первого полугодия 2016 г. сложилась на уровне 37,85 долл. США за баррель, при том что бюджет на 2016 г. был составлен исходя из цены, равной 50 долл. Учитывая то, что налоговые поступления от нефтегазового сектора стабильно обеспечивают около трети совокупных доходов бюджетной системы, столь существенное расхождение прогнозных значений с фактическими создает очевидные угрозы для российской экономики.

В сложившейся ситуации одним из условий сохранения сбалансированности федерального бюджета является оптимизация его расходной части, что, несомненно, найдет свое отражение и на величине межбюджетных трансфертов, снижение которых окажет негативное влияние на состояние как региональных, так и местных бюджетов.

Таким образом, учитывая сохраняющиеся риски ухудшения общеэкономической конъюнктуры, усугубления геополитической напряженности и неблагоприятных событий на мировых финансовых рынках, особое внимание органов власти должно быть сосредоточено на поиске способов увеличения

доходов региональной бюджетной системы, в том числе за счет снижения уровня теневой экономики.

На протяжении длительного периода времени различные аспекты теневой деятельности выступают объектом изучения как зарубежных, так и отечественных исследователей. Это такие ученые, как С. Катсиос [1], Ф. Шнайдер, Д. Энст [2], Ю.В. Латов [3], В.О. Исправников [4], И.И. Елисеева, Н.В. Бурова [5], А.В. Костин [6], Н.О. Морозова [7], А.А. Куклин, Г.А. Агарков [8], В.Ю. Буров, Л.А. Бурова, В.Н. Гонин [9]. Перечисленные авторы рассматривают теневой сектор с точки зрения его статистического измерения и влияния на состояние бюджета. В свою очередь, О.А. Цепелев и С.Г. Сериков в работе [10] подчеркивают важность учета теневой экономики при оценке инвестиционного потенциала региона.

Однако, несмотря на столь значительное количество работ, вопрос интерпретации этой дефиниции до сих пор остается дискуссионным. Существуют различные значения данного термина, каждое из которых отражает именно те цели, на достижение которых направлено исследование. При этом эти цели не всегда признаются как отличные друг от друга, что может привести к неправильному пониманию сущности этого понятия.

Отсутствие в науке общепринятого определения теневой экономической деятельности предопределяет необходимость конкретизировать используемое нами понятие в соответствии с целью данной работы.

В настоящем исследовании под теневой экономикой понимаются виды деятельности, которые «...вполне законны (при условии следования определенным стандартам или положениям), но в то же время скрыты от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов и взносов на социальное страхование; уклонения от необходимости следовать определенным предусмотренным законодательством стандартам (минимальные размеры оплаты

* Статья подготовлена по материалам журнала «Региональная экономика: теория и практика». 2017. Т. 15. Вып. 5. URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.5.832>

труда, максимальная продолжительность рабочего дня, безопасности и санитарных норм труда и т.д.) и определенным административным процедурам (заполнение статистической отчетности или других административных форм)».

Наглядным примером теневой экономики является деятельность, осуществляемая с нарушением трудового законодательства, в том числе неофициальное трудоустройство, функционирование без официального разрешения, а также получение самозанятыми работниками обманным путем пособий по безработице. Таким образом, теневая экономика не только снижает величину налоговых поступлений в бюджет, но и способствует появлению необоснованных расходных обязательств бюджетной системы.

При возникновении так называемых налоговых потерь бюджета (суммы недополученных налоговых платежей) государство не может в полной мере финансировать свои обязательства, поэтому возникает необходимость обложения налогоплательщиков, функционирующих в официальной экономике, более тяжелым налоговым бременем. Увеличение налоговой нагрузки в свою очередь стимулирует дальнейший рост теневой экономики и приводит к необходимости ужесточения бюджетных ограничений в государственном секторе.

Следует отметить, что несмотря на очевидную важность рассматриваемой проблемы, в науке отсутствует общепринятая методика количественной оценки налоговых потерь бюджета от теневой экономики. В то же время существует достаточно большое количество исследований, в которых рассматриваются и систематизируются методы статистического измерения ее масштабов.

Так, например, исследователи Е.С. Бирюков [11], Н.В. Черемисина [12], О.А. Цепелев [13], А.В. Костин [14] А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванов [15], Г.А. Медведев [16] подразделяют все существующие методы на прямые (основанные на опросах, обследованиях отдельных групп населения, экспертных

оценках, интервью) и косвенные методы (основанные на сводных экономических индикаторах статистических и налоговых служб).

Европейские ученые Ф. Шнайдер и Д. Энст [2] в качестве отдельного вида выделяют модельные методы, к которым они относят, например, метод скрытой переменной. В соответствии с данным подходом теневая экономика оценивается как функция переменных, оказывающих влияние на масштабы теневой экономики и переменных, на величине которых отражается теневая экономическая деятельность.

Однако далеко не все представленные методы применимы для оценки налоговых потерь бюджета. Большинство из них лишь позволяют определить сумму капитала, функционирующего в теневом секторе. В то время как для измерения величины недополученных налоговых доходов необходимо четко понимать, за счет каких источников сформирован данный капитал и обложению какими налогами он подлежит. К тому же отдельные методы не могут быть использованы на региональном уровне в силу отсутствия необходимой информации.

В связи с этим нами предложен подход к оценке потерь регионального бюджета, возникающих вследствие уклонения от уплаты налога на доходы физических лиц (НДФЛ), в основе которого лежит метод расхождений, базирующийся на сопоставлении данных, полученных из различных источников.

В качестве сопоставляемых величин используются данные о фактическом объеме налоговых поступлений в консолидированный бюджет субъекта (по данным Федеральной налоговой службы) и теоретическая сумма налога, рассчитанная на основании информации, предоставленной управлением Федеральной службы государственной статистики (Росстатом). Таким образом, сумма налоговых потерь бюджета от теневой экономики определяется в соответствии со следующей формулой:

$$H_{\text{пб}} = H_{\text{т}} - H_{\text{ф}}, \quad (1)$$

где $H_{ПБ}$ – сумма налоговых потерь бюджета от теневой экономики;

H_T – сумма налога, которая теоретически должна поступить в бюджет при отсутствии влияния теневой экономики;

H_F – сумма налога, фактически поступившая в бюджет.

При этом для определения теоретической суммы налога на доходы физических лиц недостаточно рассчитать произведение налоговой базы на налоговую ставку. Необходимо учесть и некоторые особенности налогообложения доходов населения.

В частности, в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (НК РФ), налогооблагаемая база по налогу на доходы физических лиц может быть уменьшена на сумму налоговых вычетов, таких как:

- стандартные налоговые вычеты (ст. 218 НК РФ);
- социальные налоговые вычеты (ст. 219 НК РФ);
- инвестиционные налоговые вычеты (ст. 219.1 НК РФ);
- имущественные налоговые вычеты (ст. 220 НК РФ);
- налоговые вычеты при переносе на будущие периоды убытков от операций с ценными бумагами и операций с финансовыми инструментами срочных сделок (ст. 220.1 НК РФ);
- налоговые вычеты при переносе на будущие периоды убытков от участия в инвестиционном товариществе (ст. 220.2 НК РФ);
- профессиональные налоговые вычеты (ст. 221 НК РФ).

Совокупная величина предоставляемых в течение года налоговых вычетов зачастую достигает внушительных масштабов. Так, в период с 2009 по 2014 г. их размеры колебались в пределах 10,3–13,4% от общего объема налогооблагаемых доходов (табл. 1).

Отсутствие учета совокупных вычетов при расчете налоговых потерь бюджета может привести к искажению полученных результатов: сумма вычетов будет ошибочно включена в состав теневых доходов, увеличивая тем самым величину недополученных налоговых платежей. Кроме того, для оценки налоговых потерь бюджета от теневой экономики из состава доходов населения необходимо исключить и сумму социальных трансфертов, так как данный вид дохода в соответствии со ст. 217 НК РФ не подлежит налогообложению.

Таким образом, теоретическую сумму налога на доходы физических лиц определим как произведение действующей налоговой ставки на величину налоговой базы (за минусом социальных трансфертов), уменьшенной на сумму предоставленных налоговых вычетов [17]:

$$H_T = C_H \times (H_B - T_C - H_B) , \quad (2)$$

где H_T – сумма налога, которая теоретически должна поступить в бюджет при отсутствии влияния теневой экономики;

C_H – ставка налога на доходы физических лиц, равная 13% (единая ставка налога на доходы физических лиц с 2001 г.);

H_B – налоговая база;

T_C – сумма социальных трансфертов;

H_B – сумма предоставленных налоговых вычетов.

По формулам (1 и 2) нами были произведены расчеты налоговых потерь от теневой экономики для консолидированного бюджета Амурской области.

Выбор данного региона обоснован результатами ранее проведенных исследований, посвященных вопросам пространственного распространения теневой экономики в субъектах Российской Федерации, в соответствии с которыми Амурская область относится к регионам с большими рисками развития теневой деятельности.

При этом основными факторами, способствующими увеличению теневых экономических операций, являются степень депрессивности региона, приграничное с Китаем расположение, а также наличие в структуре производства видов деятельности, характеризующихся большой вероятностью «теневиизации» [18].

Значимым фактором роста масштабов теневого сектора в данном субъекте является и высокий уровень бедности вследствие концентрации занятых в низкооплачиваемых отраслях. «Это во многом объясняется отличием структуры занятости населения региона от среднероссийской – низкая доля индустриальной занятости при повышенной роли сельского и лесного хозяйства и транспорта» [19].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что наиболее распространенным видом теневой деятельности в Амурской области является неофициальное трудоустройство или уклонение от уплаты налога на доходы физических лиц. Вместе с тем именно этот налог выступает в качестве бюджетообразующего налога для большинства регионов Российской Федерации, в том числе и для Амурской области, поэтому оценка налоговых потерь от теневой экономики для рассматриваемого субъекта представляет особую важность.

Результаты измерения налоговых потерь регионального бюджета от теневой деятельности за период с 2009 по 2014 г. представлены в *табл. 2*.

Разница между фактической и теоретической (расчетной) суммой налоговых платежей должна составлять не более 5%, что может быть обусловлено, например, статистическими ошибками или ошибками во времени регистрации операций.

Однако расчеты показали, что за рассматриваемый период консолидированный бюджет Амурской области недополучил значительную сумму налога на доходы физических лиц. Так, в 2009 г. 20,4%, а в 2014 г. 34,3% от общей суммы

налогооблагаемых доходов не были учтены налоговыми органами. Величина налоговых потерь регионального бюджета за рассматриваемый период увеличилась с 2 892,3 млн руб. в 2009 г. до 9 378,4 млн руб. в 2014 г.

Значительное повышение налоговых потерь от теневой экономики в 2011 г. может быть обусловлено ухудшением общеэкономической конъюнктуры и снижением деловой активности населения в кризис 2008–2010 гг. Недостаточное количество рабочих мест и снижение уровня оплаты труда вынуждало население искать дополнительные доходы, источником которых зачастую и становилась теневая экономика.

С другой стороны, столь значительному росту налоговых потерь могло способствовать и повышение ставки на страховые взносы с 26 до 34% в 2011 г. (*рис. 1*).

С увеличением суммы отчислений во внебюджетные фонды возросли и издержки на рабочую силу в официальном секторе. Считается, что чем больше разница между общей стоимостью рабочей силы в официальной экономике и величиной трудового дохода после уплаты налогов, тем сильнее стимул как для работодателей, так и для работников избежать уплаты этой разницы путем участия в теневой деятельности [20].

Снижение ставки взносов на социальное страхование после 2011 г. не оказало значительного влияния на масштабы теневой экономики, так как в период с 2010 г. наметилась четкая тенденция роста налоговых потерь.

В соответствии с принципами организации системы национальных счетов величина денежных доходов населения должна быть тождественна величине расходов. Однако проведенное нами исследование выявило значительное расхождение данных показателей. Так в 2009 г. расходы населения превысили доходы на 22 248,5 млн руб., а в 2014 г. – уже на 72 141,9 млн руб. (*рис. 2*).

В связи с тем что большую долю в структуре доходов составляют доходы по оплате труда

(табл. 3), можно предположить, что выявленное несоответствие может быть связано с так называемой неформальной (неофициальной) занятостью, так как доходы от нее не показываются населением при выборочном обследовании.

По данным статистики, численность занятых в неформальном секторе экономики Амурской области в 2014 г. составляла 71,7 тыс. чел. Из них 91,2% (65,4 тыс. чел.) работали только в неформальном секторе и 8,8% (6,3 тыс. чел.) – в неформальном секторе и вне него (табл. 4).

Анализ данных, представленных в табл. 4, свидетельствует о том, что численность неофициально занятых в городских поселениях вдвое превышает количество неофициально занятых в сельских поселениях. Данный факт, на наш взгляд, во многом объясняется миграционными процессами.

Исторически сложилось, что сельские жители переезжают в города в поисках работы и лучших условий для жизни. Однако, не найдя себе применения в экономике легальной, они вынуждены зарабатывать в теневом секторе, в котором, как правило, предоставляется большее количество вакантных мест и предъявляется гораздо меньше требований к потенциальным сотрудникам.

Если рассматривать виды экономической деятельности, то наибольшая численность населения, занятая в неформальном секторе, приходится на оптовую и розничную торговлю (29,6 тыс. чел., или 41,3% от всех занятых в неформальном секторе) (табл. 5).

Высокая доля неформальной занятости в данной сфере во многом объясняется непосредственной границей с Китаем, что дает большие возможности для развития челночной торговли, являющейся одним из способов проявления теневой экономики.

На втором месте после оптовой и розничной торговли находится сельское хозяйство, на долю которого приходится 18,1% общей

численности населения, занятого в неформальном секторе. На сферу транспорта и связи приходится 10,5%.

Используя данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате одному работнику и количестве человек, занятых в неформальном секторе, определим сумму налоговых потерь от теневой экономики (без учета суммы предоставленных налоговых вычетов) по данным видам экономической деятельности.

Анализ данных, представленных в табл. 6, показывает, что в 2014 г. консолидированный бюджет Амурской области недополучил 857,1 млн руб. от сферы торговли, 515,8 млн руб. от сферы транспорта и связи и 407,8 млн руб. от сельского хозяйства.

Систематический расчет налоговых потерь имеет большое значение не только для понимания того, какую сумму теряет бюджет от деятельности теневого сектора, но и для определения эффективности проводимой бюджетно-налоговой политики. Так, важную роль в оценке качества налогового администрирования играет показатель собираемости налогов.

Однако согласимся с выводами исследователей Е.Т. Гурвича и А.Л. Суслиной, которые утверждают, что подход – «уплачено/начислено», принятый в профессиональной налоговой среде, не дает полной оценки собираемости, так как в расчет показателя включается только «открытая» часть налоговой базы, без выведенной из-под налогообложения составляющей [21]. Кроме того, использование данного метода не позволяет оценить потенциальный объем дополнительных поступлений в бюджет за счет сокращения масштабов теневого сектора.

Наиболее качественное и всеобъемлющее представление об уровне собираемости можно получить путем включения в расчет налоговых потерь от теневой экономики, что становится возможным при использовании макроэкономического подхода к расчету показателя собираемости.

Сущность данного метода заключается в определении соотношения между объемом фактически собранных налоговых платежей и их теоретической (расчетной) величиной, то есть той суммой, которая должна поступать в бюджет из той же налоговой базы, но при отсутствии влияния теневой экономики.

Анализ данных, представленных на *рис. 3*, свидетельствует о том, что оценки уровня собираемости налога на доходы физических лиц, полученные макроэкономическим методом, имеют отрицательную динамику, что также свидетельствует об увеличении масштабов теневой экономики в рассматриваемом периоде.

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют тот факт, что на протяжении длительного периода времени значительная часть налогового потенциала

Амурской области сосредоточена в теневом секторе экономики, в то время как регион вынужден привлекать кредитные ресурсы для финансирования бюджетного дефицита.

Согласно данным, представленным в *табл. 7*, мобилизация потенциальных налоговых поступлений с доходов физических лиц в бюджетную систему могла бы значительно сократить дефицит регионального бюджета и способствовать снижению зависимости региональной бюджетной системы от состояния федерального бюджета.

Таким образом, решение задачи по обеспечению роста налоговых поступлений в региональный бюджет и повышению уровня собираемости налоговых платежей невозможно без снижения уровня теневой экономики, вследствие влияния которой бюджетная система ежегодно теряет значительную часть налоговых доходов.

Таблица 1

Доля налоговых вычетов в общей сумме налогооблагаемых доходов в 2009–2014 гг.

Table 1

The proportion of tax deduction in the total amount of taxable income in 2009–2014

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Общая сумма налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц, млн руб.	13 411,6	14 636,1	18 440,5	20 699,3	22 482,5	21 720,6
% от общей суммы налогооблагаемых доходов	12,3	13,4	13,4	12,3	11,6	10,3

Источник: данные ФНС по Амурской области

Source: The Amur Oblast FTS data

Таблица 2**Оценка налоговых потерь консолидированного бюджета Амурской области от теневой экономики в 2009–2014 гг.****Table 2****Assessment of tax losses of the Amur Oblast's consolidated budget from the shadow economy in 2009–2014**

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Сумма налога на доходы физических лиц, фактически поступившая в бюджет, млн руб.	9 513,9	10 535,4	11 900,7	13 397,6	14 633,4	15 176,7
Денежные доходы населения без трансфертов, млн руб.	108 844	109 531,2	138 000,6	167 964,6	194 028,3	210 605,6
Общая сумма налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц, млн руб.	13 411,6	14 636,1	18 440,5	20 699,3	22 482,5	21 720,6
Налоговая база, уменьшенная на величину налоговых вычетов, млн руб.	95 432,4	94 895,1	119 560,1	147 265,3	171 545,8	188 885
Расчетная (теоретическая) сумма налога на доходы физических лиц по ставке 13%, млн руб.	12 406,2	12 336,4	15 542,8	19 144,5	22 301	24 555
Расчетная сумма налоговых потерь бюджета от теневой экономики, млн руб.	2 892,3	1 801	3 642,1	5 747	7 667,6	9 378,4
Сумма денежных доходов, неучтенных налогообложением, млн руб.	22 248,5	13 853,9	28 016,3	44 207,6	58 981,9	72 141,9
Доля неучтенных доходов в общей сумме налогооблагаемых доходов, %	20,4	12,6	20,3	26,3	30,4	34,3

Источник: данные ФНС по Амурской области*Source:* The Amur Oblast FTS data**Таблица 3****Структура доходов населения в 2009–2014 гг., в % к итогу****Table 3****Income structure of the population in 2009–2014, percentage to the total**

Вид дохода	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Оплата труда	56,9	57,3	52,6	50,9	48,1	46
Социальные трансферты	17,9	23,4	21,6	20,4	19,5	19,1
Доходы от собственности	2,1	2,5	2,1	2,2	2,3	3,2
Другие доходы	23,1	16,8	23,7	26,5	30,1	31,7
Денежные доходы, всего	100	100	100	100	100	100

Источник: Амурстат*Source:* The Amurstat data

Таблица 4**Распределение населения, занятого в неформальном секторе, по типу занятий и поселениям в 2014 г.****Table 4****Distribution of the population employed in the informal sector, by type of occupation and settlement, in 2014**

Показатель	Всего, тыс. чел.	Из них:	
		доля занятых только в неформальном секторе, %	доля занятых в неформальном секторе и вне него, %
Численность населения, занятого в неформальном секторе	71,7	91,2	8,8
В том числе:			
– в городских поселениях	49	94,3	5,7
– в сельских поселениях	22,7	84,6	15,4

Источник: Амурстат

Source: The Amurstat data

Таблица 5**Распределение численности населения, занятого в неформальном секторе, по основным видам экономической деятельности в 2014 г.****Table 5****Distribution of the population employed in the informal sector, by main economic activity, in 2014**

Виды экономической деятельности	Всего занято в неформальном секторе	В % от общей численности неформально занятого населения
Всего, тыс. чел.	71,7	100
В том числе:		
– сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	13	18,1
– рыболовство и рыбоводство	0,2	0,3
– добыча полезных ископаемых	0,1	0,1
– обрабатывающие производства	5,2	7,3
– производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,5	0,7
– строительство	4,9	6,8
– оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования	29,6	41,3
– гостиницы и рестораны	2,8	3,9
– транспорт и связь	7,5	10,5
– финансовая деятельность	0,2	0,3
– операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2,2	3,1
– образование	0	0
– здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,1	1,5
– предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных и других услуг	4,4	6,1

Источник: Амурстат

Source: The Amurstat data

Таблица 6

Налоговые потери бюджета Амурской области в 2014 г. от неформальной занятости по отдельным видам экономической деятельности

Table 6

Tax losses of the Amur Oblast's budget from informal employment, by certain economic activity, in 2014

Виды экономической деятельности	Численность населения, занятого в неформальном секторе, тыс. чел.	Номинальная заработная плата одного работника, руб.	Налоговые потери бюджета от теневой экономики, млн руб.
Торговля	29,6	18 558,5	857,1
Сельское хозяйство	13	20 110,6	407,8
Транспорт и связь	7,5	44 087,3	515,8

Источник: Амурстат

Source: The Amurstat data

Таблица 7

Налоговые потери Амурской области в сумме дефицита консолидированного бюджета в 2010–2014 гг.

Table 7

Tax losses of the Amur Oblast in the amount of consolidated budget deficit in 2010–2014

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Налоговые потери бюджета от теневой экономики, млн руб.	1 801	3 642,1	5 747	7 667,6	9 378,4
Дефицит консолидированного бюджета, млн руб.	3 847,8	3 848	6 569,8	2 813,2	11 648,9
Расчетная доля налоговых потерь от теневой экономики в сумме дефицита консолидированного бюджета, %	46,8	94,6	87,5	272,6	80,5

Источник: Амурстат

Source: The Amurstat data

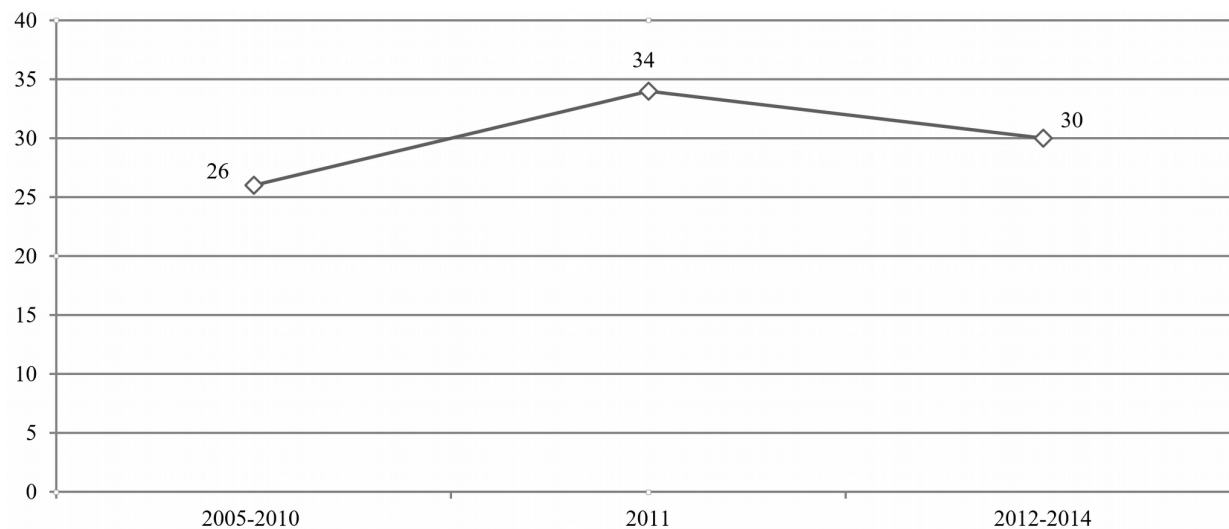
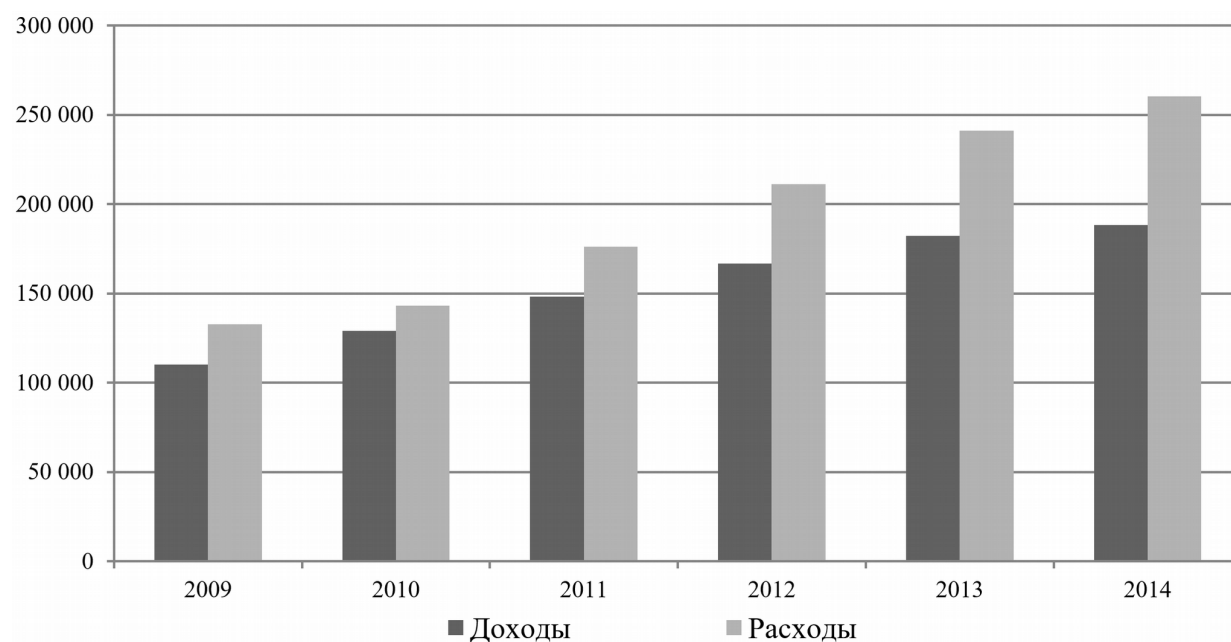
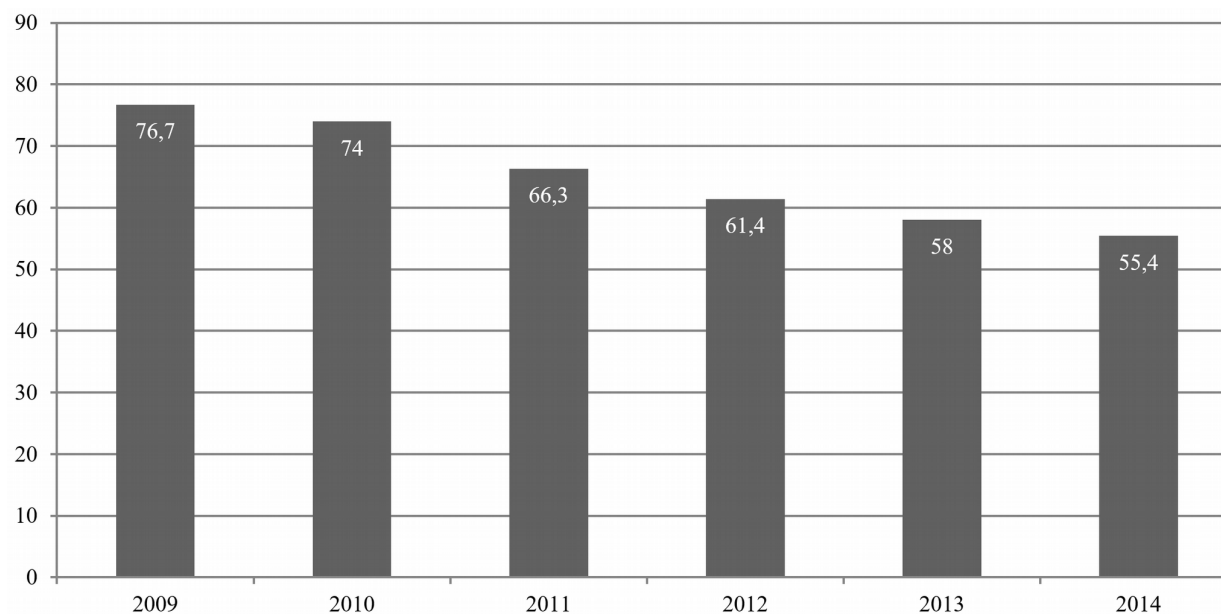
Рисунок 1**Динамика ставки страховых взносов (до 01.01.2010 – единого социального налога) в 2005–2014 гг., %****Figure 1****Change in premium rates (until 01.01.2010 – unified social tax) in 2005–2014, percent***Источник: авторская разработка**Source: Authoring***Рисунок 2****Сопоставление суммы расходов населения с расчетной суммой доходов в 2009–2014 гг.****Figure 2****Comparison of the amount costs and estimated amount of revenue of the population in 2009–2014***Источник: составлено авторами**Source: Authoring*

Рисунок 3**Динамика уровня собираемости налога на доходы физических лиц в 2009–2014 гг.****Figure 3****Change in the level of collection of personal income tax in 2009–2014**

Источник: Амурстат

Source: The Amurstat data

Список литературы

1. Katsios S. The Shadow Economy and Corruption in Greece. *South-Eastern Europe Journal of Economics*, 2006, vol. 4, iss. 1, pp. 61–80.
2. Schneider F., Enste D. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*, 2000, vol. 38, iss. 1, pp. 77–114. URL: <https://doi.org/10.1257/jel.38.1.77>
3. Латов Ю.В. Роль теневой экономики в социально-экономической истории // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 3. С. 9–48.
4. Исправников В.О. «Теневая» экономика и перспективы образования среднего класса // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 40–50.
5. Елисеева И.И., Бурова Н.В. Подход к измерению теневой экономики в регионах // Научные труды РЕЦЭП. М.: РЕЦЭП, 2001. С. 2–12.
6. Костин А.В. Теневая экономика и государственное управление // Вестник НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2012. Т. 12. № 1. С. 18–25.
7. Морозова Н.О. Метод измерения размера теневой экономики, образованной в результате введения налогов и субсидий: применение концепции излишков // Экономический вестник РГУ. 2009. Т. 7. № 1. С. 58–66.
8. Куклин А.А., Агарков Г.А. Теневая экономика региона: особенности проявления и методы диагностики // Экономика региона. 2005. № 1. С. 39–53.

9. Буров В.Ю., Бурова Л.А., Гонин В.Н. Уклонение от уплаты налогов как фактор снижения экономической безопасности малого предпринимательства: монография. Чита: ЗабГУ, 2014. 188 с.
10. Tsepelev O., Serikov S. Procedure for Regional Investment Potential Assessment by Institutional Sectors of economy. *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, vol. 9, iss. 14, pp. 1–6. URL: <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i14/91523>
11. Бирюков Е.С. Альтернативные подходы к оценке теневого сектора экономики // Вестник ЧелГУ. 2010. № 27. С. 21–25.
12. Черемисина Н.В. Методы статистической оценки теневой экономики // Вестник ТГУ. 2006. № 3. С. 96–103.
13. Цепелев О.А. Ненаблюдаемая экономика региона: проблемы измерения и оценка качества данных // Известия ИГЭА. 2007. № 2. С. 64–66.
14. Костин А.В. Опыт измерения теневой экономики в западной литературе // Вестник НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2011. Т. 11. № 4. С. 33–43.
15. Киреенко А.П., Иванов Ю.Б. Оценка теневой экономики на основе показателей уровня и качества жизни населения // Известия ИГЭА. 2013. № 4. С. 109–113.
16. Медведев Г.А. О методах оценки теневой региональной экономики // Экономический вестник РГУ. 2007. Т. 5. № 2-3. С. 208–211.
17. Колесникова О.С. Оценка бюджетных потерь от теневой экономики: региональный аспект // Проблемы финансов, кредита и бухгалтерского учета в условиях реформирования экономики. Хабаровск: ТОГУ, 2016. С. 101–104.
18. Цепелев О.А., Симутина Н.Л. Измерение ненаблюдаемой экономики в регионе: монография. Благовещенск: АмГУ, 2006. 188 с.
19. Цепелев О.А. Факторы формирования и дифференциации уровня бедности населения: региональный аспект // Вестник ТОГУ. 2014. № 1. С. 225–232.
20. Шнайдер Ф., Энст Д. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. Washington, D.C. 20431, U.S.A., МВФ, 2002. 23 с.
21. Гурвич Е.Т., Суслина А.Л. Динамика собираемости налогов в России: макроэкономический подход // Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 22–33.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF SHADOW ECONOMY ON THE AMOUNT OF TAX REVENUE: A REGIONAL PERSPECTIVE**Oleg A. TSEPELEV^{a,*}, Ol'ga S. KOLESNIKOVA^b**^a Amur State University (AmSU), Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
tsepelev_o@mail.ru
ORCID: not available^b Amur State University (AmSU), Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation
kolesnikova.o.s@yandex.ru
ORCID: not available

* Corresponding author

Article history:Article No. 1020/2016
Received 15 August 2016
Received in revised form
26 August 2016
Accepted 5 September 2016
Available online
15 November 2019**JEL classification:** H21, H26,
H61, H62, H71**Keywords:** shadow economy,
regional budget, tax losses,
personal income tax, tax
collection**Abstract****Subject** The article examines the role of shadow economy as one of the factors influencing the yield and stability of the budget.**Objectives** The paper aims to quantify the impact of the underground economy on the amount of tax revenues of regional budgets and justify the need for systematic identification of tax losses from the shadow economy for effective fiscal policy.**Methods** For the study, we used the balancing method, based on comparison of data from different sources.**Results** In the Amur Oblast, the level of shadow economy is quite high due to the existence of a large number of factors for emergence and spread of the phenomenon, particularly in trade, agriculture, transport and communications. Annually, the regional budget loses a significant portion of tax revenues. This reduces its autonomy, increases dependence on federal transfers and promotes the growth of public debt of the oblast.**Conclusions** We conclude that the shadow economy has a significant impact on the amount of tax revenues and, consequently, it reduces the possibility of realization of socio-economic policy of the oblast. Therefore, the reduction of budget tax losses from the shadow economy is an essential prerequisite for sustainable development of the oblast.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Please cite this article as: Tsepelev O.A., Kolesnikova O.S. Assessment of the Impact of Shadow Economy on the Amount of Tax Revenue: A Regional Perspective. *International Accounting*, 2019, vol. 22, iss. 11, pp. 1309–1324.
<https://doi.org/10.24891/ia.22.11.1309>**Acknowledgments**The article was adapted from the *Regional Economics: Theory and Practice* journal, 2017, vol. 15, iss. 5. URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.5.832>**References**

1. Katsios S. The Shadow Economy and Corruption in Greece. *South-Eastern Europe Journal of Economics*, 2006, vol. 4, iss. 1, pp. 61–80.
2. Schneider F., Enste D. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*, 2000, vol. 38, iss. 1, pp. 77–114. URL: <https://doi.org/10.1257/jel.38.1.77>
3. Latov Yu.V. [The role of shadow economy in social and economic history]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and Economic Studies*, 2006, vol. 7, no. 3, pp. 9–48. (In Russ.)

4. Ispravnikov V.O. [Shadow economy and the prospects for the middle-class education]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Science and Modern Times*, 1998, no. 6, pp. 40–50. (In Russ.)
5. Eliseeva I.I., Burova N.V. *Podkhod k izmereniyu tenevoi ekonomiki v regionakh. V kn.: Nauchnye trudy RETsEP* [An approach to the measurement of the shadow economy in the regions. In: Scientific works of RECEP]. Moscow, RECEP Publ., 2001, pp. 2–12. (In Russ.)
6. Kostin A.V. [Shadow economy and public administration]. *Vestnik NGU. Ser. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*, 2012, vol. 12, no. 1, pp. 18–25. (In Russ.)
7. Morozova N.O. [A method of measuring the size of shadow economy, formed as a result of the imposition of taxes and subsidies: an application of the concept of surplus]. *TERRA ECONOMICUS*, 2009, vol. 7, no. 1, pp. 58–66. (In Russ.)
8. Kuklin A.A., Agarkov G.A. [The shadow economy of the region: peculiarities of manifestation and diagnostic methods]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2005, no. 1, pp. 39–53. (In Russ.)
9. Burov V.Yu., Burova L.A., Gonin V.N. *Uklonenie ot uplaty nalogov kak faktor snizheniya ekonomicheskoi bezopasnosti malogo predprinimatel'stva: monografiya* [Tax evasion as a factor to reduce the economic security of small business: a monograph]. Chita, ZabSU Publ., 2014, 188 p.
10. Tsepelev O., Serikov S. Procedure for Regional Investment Potential Assessment by Institutional Sectors of Economy. *Indian Journal of Science and Technology*, 2016, vol. 9, iss. 14, pp. 1–6. URL: <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i14/91523>
11. Biryukov E.S. [Alternative approaches to estimating the shadow sector of economy]. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 27, pp. 21–25. (In Russ.)
12. Cheremisina N.V. [Methods of statistical evaluation of the shadow economy]. *Vestnik TGU = Tomsk State University Journal*, 2006, no. 3, pp. 96–103. (In Russ.)
13. Tsepelev O.A. [Non-observed economy of the region: problems of measurement and assessment of data quality]. *Izvestiya IGEA = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2007, no. 2, pp. 64–66. (In Russ.)
14. Kostin A.V. [Experience in measuring the informal economy in Western literature]. *Vestnik NGU. Ser. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*, 2011, vol. 11, no. 4, pp. 33–43. (In Russ.)
15. Kireenko A.P., Ivanov Yu.B. [Assessment of the shadow economy based on the indicators of living standards and quality of life of the population]. *Izvestiya IGEA = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2013, no. 4, pp. 109–113. (In Russ.)
16. Medvedev G.A. [On methods for assessing the shadow regional economy]. *TERRA ECONOMICUS*, 2007, vol. 5, no. 2-3, pp. 208–211. (In Russ.)
17. Kolesnikova O.S. *Otsenka byudzhethnykh poter' ot tenevoi ekonomiki: regional'nyi aspekt. V kn.: Problemy finansov, kredita i bukhgalterskogo ucheta v usloviyakh reformirovaniya ekonomiki* [Assessment of budget losses from shadow economy: a regional dimension. In: Problems of finance, credit and accounting in the context of economic reform]. Khabarovsk, TOSU Publ., 2016, pp. 101–104.

18. Tsepelev O.A., Simutina N.L. *Izmerenie nenablyudaemoi ekonomiki v regione: monografiya* [Measuring the non-observed economy in the region: a monograph]. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2006, 188 p.
19. Tsepelev O.A. [Factors of formation and differentiation of poverty: a regional perspective]. *Vestnik TOGU = Bulletin of TOSU*, 2014, no. 1, pp. 225–232. (In Russ.)
20. Schneider F., Enste D. *Hiding in the Shadows. The Growth of the Underground Economy*. Washington, Intern. Monetary Fund, 2002, 16 p.
21. Gurvich E.T., Suslina A.L. [Dynamics of tax collection in Russia: a macroeconomic approach]. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2015, no. 4, pp. 22–33. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.